

КОГДА БУШЕВАЛИ ВИХРИ

Это было чрезвычайно тяжелое время. Под напором превосходящих сил противника 30 июля 1949 года 40-я армия, измотанная в непрерывных боях, оставила Царицын. Белогвардейские полки барона Врангеля теснили наши отступающие войска. 38-я Морозовско-Донецкая дивизия, в которой я был комиссаром, а также 28, 37 и 39-я дивизии отошли к немецкой колонии Таловка, что в сорока километрах от Саратова. Закрепившись на этом рубеже, мы стали приводить в порядок свои потрепанные части.

Противник, поставивший перед собой задачу овладеть Саратовом, бросал против нас свои конные полки, стремился навязать свою волю и сломить сопротивление красноармейцев. Но воля защитников молодой Республики Советов была негибкой. Отбивая бешеные атаки врангелевцев, наша дивизия одновременно принимала в свои ряды свежее пополнение. В ее состав влились пять кавалерийских полков под общим командованием опытного, испытанного в боях командира — Михаила Филипповича Лысенко. Кроме того, мы получили тридцать пушек и отряд моряков. Это была внушительная сила.

Командарм Л. Л. Клюев поставил войскам задачу прорвать фронт в районе села Французское, на стыке 28-й и 37-й дивизий, и наступать, не давая противнику передышки.

Перед началом наступления командир нашей дивизии Н. В. Харченко и я побывали во всех полках и проверили готовность красноармейцев и командиров к бою. Настроение личного состава было приподнятым, люди рвались в схватку с ненавистным врагом, горели желанием освободить от белого ига захваченную территорию, восстановить там родную Советскую власть.

Начальник артиллерии дивизии П. М. Гетман, прославленный герой гражданской войны, и начальник дальноточных орудий К. Г. Яблочкин вникали буквально во все мелочи, связанные с боевой готовностью подчиненных им командиров и красноармейцев. Они проверили состояние артиллерийского парка, наличие боеприпасов, слаженность расчетов, поинтересовались, правильно ли определены секторы обстрела и порядок взаимодействия огневых средств.

Получив указания своих непосредственных начальников, большую подготовительную работу провели с бойцами командиры эскадронов Г. Т. Меркулов, П. Н. Хомутов, З. Я. Скрипченко, Д. И. Андреев. Многие сделали и политические работники: комиссар штаба дивизии И. Ф. Немерзель, комиссары кавалерийских полков П. И. Демещенко, Э. Ф. Апога и другие.

И вот 19 августа, едва занялась утренняя заря, по сигналу горнистов поднялись наши пехотные полки и конница. Вместе с 38-й дивизией начали наступление в направлении Коростино, Камышин 28, 37 и 39-я дивизии. Белогвардейцы обрушили на группировку наших соединений шквал артиллерийского огня, пытались контратаковать и приостановить наступающую лавину. Но их усилия были тщетны.

Артиллеристы П. М. Гетмана и К. Г. Яблочкина буквально сметали с лица земли вражеские огневые точки, а отважные конники Лысенко стремительными ударами срывали неприятельские контратаки. Враг не выдержал мощного напора, дрогнул и начал паническое отступление.

Прорвав фронт белых, войска 10-й армии в ходе преследования противника пленили Кубанскую пластунскую дивизию вместе с ее командованием, захватили 80 пулеметов, 13 пушек, обозы с боеприпасами, обмундированием и продовольствием.

В ходе этих боев конный корпус генерала Улагаева пытался оказать помощь врангелевцам, но его атаки на левый фланг 38-й дивизии были отбиты конниками М. Ф. Лысенко — командира 1-го Донского кавполка. Не выдержав натиска, улагаевцы повернули вспять. Красные кавалеристы, успешно преследуя их, нанесли существенный урон.

Беспримерную личную храбрость, умение по-новому руководить революционными войсками проявили в период

ожесточенных схваток с белогвардейцами командиры бригад нашей дивизии В. В. Кондратов, Ф. У. Лобачев, И. А. Недзвецкий. Имена начальников разведки и пулеметной команды 1-го Донского кавалерийского полка И. М. Зарудного и Д. Г. Казарцева стали известны во всем соединении.

Сокрушительный удар по армии Врангеля дал возможность войскам 10-й армии перейти к общему, развернутому наступлению по всему фронту, в результате которого были разбиты корпус Мамонтова, Толкушкина, конный корпус генерала Шатилова и другие белогвардейские части. Наши соединения освободили Мордово, Зинзиватку, Камышин, хутор Вертячий, станицу Усть-Медведицкую и другие населенные пункты. В районе Кривая Музга были захвачены тысячи пленных и два белогвардейских бронепоезда, все огневые средства которых были тотчас же направлены против неприятеля.

18 ноября на базе кавалерийских частей 10-й армии была создана Первая Конная армия. Во взаимодействии с частями Южного фронта она окончательно разбила корпус Мамонтова и Шкуро и освободила Воронеж.

Одновременно с этим 10-я армия громила офицерские полки барона Врангеля и генерала Улагай в районе Райгорода. 29 ноября 28, 37, 38 и 39-я дивизии вышли на линию Городище, Орловка, Рынок. 1 декабря 38-я и 39-я дивизии заняли Карповку и Воропаново, а 8 декабря, пробившись в район Дубовки, они стремительным ударом отбросили назад 4-й Кубанский конный корпус Топоркова, пытавшийся оттеснить их к Камышину.

Такова общая картина боевых действий на этом театре. Теперь мне хотелось бы подробнее рассказать об отдельных операциях, о людях, решавших исход смертельных схваток с хорошо вооруженным, сильным и коварным врагом.

Л. Л. Ключев приказал нашей дивизии занять Котлубань. Эта станция представляла собой важный стратегический пункт, где засели значительные силы белых — конный корпус Улагай и группа генерала Писарева.

Комдив Н. В. Харченко собрал в своем штабе всех командиров и политработников соединения и разъяснил им задачу, поставленную командующим армией. В целях

обеспечения успеха боя Харченко предложил начальствующему составу лично возглавить части в предстоящих схватках с белогвардейцами.

— Вам, Евстафий Иванович, — сказал начдив, — придется поехать в кавалерийский полк, который нацсит удар с правого фланга.

Сразу же после совещания я вместе с ординарцем Иваном Фурманом отправился в 1-й Донской кавалерийский полк И. Я. Семенова. Он должен был выступать в составе сводного кавалерийского корпуса, возглавляемого М. Ф. Лысенко.

В поход двинулись ранним утром 27 сентября. В пути сравнительно долго не встречали белых дозоров. Но вот наши разъезды наткнулись на вражескую разведку. Заговорили винтовки, пулеметы и пушки. Не спешиваясь, спокойно идем на сближение с противником. Встречный огонь усиливается. Кони вздрагивают от выстрелов.

— Пожалуй, пора? — спрашивает меня командир полка.

— Да, медлить нельзя, — отвечаю ему.

Отдав позаскадронно приказы, Семенов командует:

— Рысью! Пашки вон! В атаку! За мной! Ура!

Все слилось воедино: и воинственный клич сотен красноармейцев, и конский топот, и оглушительная пальба.

Впереди показалась конная лавина белых. Неужели у станции весь корпус Улагай? Если так, нам придется драться с внушительной силой, намного превосходящей нас. Вот уже мелькают башлыки чеченцев и ингушей, черные бурки кубанцев...

— Танки! — раздался неожиданный возглас.

И в самом деле, из стогов сена с лязгом и грохотом ползают стальные чудища и с ходу открывают огонь. Но остановиться или предпринять маневр было уже невозможно. Наши конники вихрем летят впереди и врубаются во вражескую лавину. Гудит земля, сталкиваются храпящие кони, свссят пашки. Все смешалось в страшной кавалерийской рубке.

Пуля — моя разгоряченная кобылица — врезалась в гущу улагаевцев. Вижу перед собой офицера с занесенной пашкой. Бью в него в упор из маузера. Он валится с коня, но его нога остается в стремях. Метнувшийся в сторону конь волочит за собой тело убитого всадника.

— Наши отходят! — слышу тревожный голос Ивана Фурмана.

С трудом поворачиваю Пулю назад. И вдруг меня качнуло. Правая нога потеряла опору, оборвалось стремя. А лошадь, чувствуя погоню, летит во весь опор. Еще рывок — и она выносит меня из вражьего кольца.

Откуда-то бьет пулемет. Очередь, вторая, третья... Смертельно раненная Пуля на полном галопе грохается о землю. Падаю вместе с ней. По лицу ползет ладкая струйка крови. Значит, ранен в голову. Пытаюсь встать, но это не удается мне: нога придавлена лошадью...

Я сжимаю маузер. «Лучше смерть, чем плен», — лихо-радочно промелькнула мысль. Приподняв голову, Пуля косит на меня круглым глазом. Предсмертное ржание... Крушные слезы... Последние судороги — и боевой кобылицы не стало.

Ко мне летит тройка коней. Это наша пулеметная тачанка, на которой во весь рост стоит Захар Скрипченко — командир эскадрона. Вместе с подоспевшим Фурманом они высвободили мою ногу и отнесли меня на тачанку. Кони тронулись. Скрипченко бьет очередями по увязавшимся за нами кубайцам.

— Вы еще узнаете нас! — зло грозит Иван Фурман белогвардейцам.

...1-й полк отошел. Я лежу на земле. Фурман бинтует мне голову, вытирает кровь и говорит:

— Спасибо Захару, выручил. Под ним тоже убили коня, но он не растерялся — прыгнул на тачанку, и к вам. Небось старую рану на ноге тоже разбередили?

— Все это ерунда, Иван... Жаль, что Котлубань не удалось взять. Кажется, наша разведка недостаточно точно выяснила данные о беляках...

— Ничего, — успокаивает меня ординарец. — Сейчас снова пойдем в атаку. Слышите стрельбу?

— Слышу.

Затрепали выстрелы, затарахтели пулеметы, ахнули орудия. Бой разгорался с новой силой. На помощь полку подоспели конница Лысенко и пехотные части дивизии. «Котлубань должна быть взята!» — таков приказ командующего 10-й армией.

Несколько часов дрались мы за станцию. Раненый Лысенко не покинул строя. Он много раз водил своих конников в атаку. К вечеру удалось вырвать у бе-

лых Котлубань. Улагай бежал, оставив нам большие трофеи.

Собрав силы и перегруппировав их, противник снова предпринял наступление. В эти дни Котлубань несколько раз переходила из рук в руки. В конце концов наступил перелом. Враг был сломлен и отброшен от станции со значительными потерями в людях и технике.

Огненный ураган стих. С поля сражения, покрытого пороховым дымом и гарью, доносились глухие стоны раненых, по седой ковыльной степи с протяжным ржанием металась оседланные кони. Санитары и сестры оказывали помощь пострадавшим, убирали убитых, чтобы похоронить их с воинскими почестями...

В эти дни в нашей дивизии не раз побывали представители политического отдела 10-й армии А. Л. Банквизер и М. И. Черняк. Они воодушевляли личный состав на подвиги, заботились о том, чтобы полки были обеспечены всем необходимым, чтобы опыт наиболее умелых и храбрых людей стал достоянием всего соединения.

Сражение за Котлубань, окончившееся нашей победой, имело очень важное значение для 10-й армии. Командование высоко оценило действия 38-й Морозовско-Донецкой дивизии и представило к правительственным наградам многих командиров и бойцов. В их числе были Н. В. Харченко, М. Ф. Лысенко, П. М. Гетман, К. Г. Яблочкин, И. Я. Семенов и другие.

20 октября 1919 года командиру дивизии доставили пакет. Вскрыв его, Н. В. Харченко сказал:

— Читай, комиссар, приказ командарма, — и подал мне лист бумаги, сложенный четверо.

«Привести полки дивизии в боевую готовность», — писал Л. Л. Ключев. Этого, конечно, и надо было ожидать. Как нам сообщили, сегодня на рассвете на правом фланге дивизии разведка противника прощупывала наши слабые места. Наткнувшись на конный разъезд, она быстро отошла. И теперь, вероятно, белые готовятся к нападению.

Приказ командарма не застал нас врасплох. К этому времени наши части успели пополниться людьми, конским составом и боеприпасами. Рачительный интендант дивизии Георгий Николаевич Лебедев полностью снабдил полки обмундированием и продовольствием.

Мы с начдивом срочно вызвали на совещание командиров и комиссаров и разъяснили им поставленную задачу. Посоветовали провести в каждом батальоне и эскадроне собрания коммунистов и рассказать им о сложившейся обстановке.

А обстановка была такова. Еще 18 октября наша разведка донесла: конный корпус генерала Улагая готовится к внезапному броску на стыки 1-й и 2-й бригад 38-й дивизии с задачей разорвать, смять и разбить их поодиночке, а остатки прижать к Дону и потопить в волнах бурлящей реки.

«Языки», захваченные разведчиками Казаркиным и Дмитриевым, подтвердили данные разведки. Они сообщили, что удар намечается со стороны Гумрака и что офицерские полки, состоящие из чеченцев, кабардинцев, осетин и кубанских казаков, поведет в атаку сам барон Врангель. Сведения эти мы тут же передали на свой штаб и в Реввоенсовет армии. На всякий случай попросили подкрепления, но основные надежды возлагали на свои силы: стрелковые полки, 1-й Донской кавалерийский полк, артиллерию Гетмана и Яблочкина.

Приняв решение, соответствующее приказу командующего армией, комдив, я и другие товарищи из штаба дивизии выехали в части. На мой вопрос о готовности к делу высокий, широкоплечий, смуглый, как цыган, комбриг В. В. Кондратов ответил:

— Мы готовы к бою, комиссар!

— Первая бригада всегда была и остается первой, — заметил комиссар Моисеев. — Моральный дух бойцов крепок. Не подкачаем, Евстафий Иванович, и на этот раз.

Во 2-й бригаде меня тоже заверили, что командиры и бойцы рвутся в атаку.

— Собрания коммунистов мы провели, — сказал комиссар С. И. Иванов. — Приняли боевое решение. Слов на ветер не бросаем.

— Даешь Царицын! — услышал я общее мнение личного состава 3-й бригады.

После проверки частей, бесед, проведенных там, на душе стало радостнее: люди готовы к сражению с белогвардейцами.

5 ноября оружейный зал разорвал наступавшую тишину рассвета. Хутор Дубовское, где располагался наш

штаб, мгновенно пробудился. Послышались четкие команды, бряцание оружия, топот ног.

— Началось, — промолвил командир дивизии.

После артиллерийской подготовки противник бросил в атаку свою конницу. Стремительная лавина, сверкая обнаженными саблями, ринулась на нас. Из-под конских копыт вздымалась снежная пыль.

Бойцы наших бригад приготовились к встрече с врагом и теперь ждали лишь команды. Артиллерия приведена в полную готовность.

Донской конный полк И. Я. Семенова находится в засаде.

— Ну, когда же в контратаку, когда? — нетерпеливо спрашивают бойцы.

— Спокойно, товарищи! — предупреждает подчиненных командир 1-й бригады Василий Васильевич Кондратов. — Надо подпустить их ближе, чтобы ударить наверняка.

Другие начальники тоже сдерживают бойцов до поры до времени, приведя в готовность все средства противодействия. И вот она, желанная минута! Кондратов командовал:

— Беглый огонь по противнику!

Мгновенно затрепали ружейные залпы, застучали пулеметы Казарцева, Кононова и Федора Глуценко, ударили в упор пушки Гетмана. Внезапно обрушенный огонь ошеломил мчавшихся галопом белопогонников. Все смешалось: люди, кони, дым и пламя. Задние колонны напирали на передние, усиливая сумятицу. Из засады на полном карьере выскочил конный полк во главе с Семеновым.

— Руби белую сволочь! — крикнул командир.

Над головами засверкали клинки, и началась рубка. Затем в контратаку ринулись красноармейцы 1-й и 2-й бригад, возглавляемые командирами и комиссарами.

— Вперед, товарищи, вперед! — звали коммунисты своих однополчан.

Словно вихрь, выскочила с левого фланга кавалерийская бригада Фомы Текучева. Комбриг, бывший царский есаул, в бурке, развевающейся на ветру, летел впереди своих конников на полном намете.

Не выдержав сокрушительного натиска, врангелевцы покатались за Гумрак. Преследуя их, наши войска разгро-

мили два полка, захватили немало пленных, взяли трофеи. Это была опутимая победа, еще больше укрепившая боевой дух и ратный порыв личного состава дивизии.

Мы заняли оборонительные рубежи южнее Гумрака, выставили круговые заслоны, послали конную разведку. Теперь до Царицына рукой подать. И когда в чистом небе засияли далекие звезды, полки с песнями пошли на отдых.

С чувством теплой благодарности бойцы отзывались о своих командирах, заранее разработавших тактику боя и блестяще применивших ее на практике. Трудно назвать всех героев дня. Чаще всего участники битвы повторяли имена П. М. Гетмана, К. Г. Яблочкина, И. Я. Семенина, Д. Г. Казарцева, командира 4-го эскадрона Г. Т. Меркулова.

События развивались стремительно. Командующий 10-й армией приказал сводному конному корпусу захватить Тундутово, взорвать полотно железной дороги между этой станцией и Тихорецкой и тем самым отрезать пути отступления противнику.

Не теряя времени, конные полки М. Ф. Лысенко 25 октября двинулись форсированным маршем через село Васильевка по калмыцкой степи.

Из района Гумрак поднялись и части нашей дивизии. Они шли в направлении села Песковатки и станции Карповка. Задача состояла в том, чтобы захватить главную базу снабжения белых, обеспечивавшую царицынскую группировку войск всеми видами снабжения, вооружения и боеприпасами.

С боями пробившись мы к селу Карповка и закрепились на его юго-восточном рубеже. А конный корпус форсированным маршем двигался намеченным путем к своей цели. Тем временем улагаевцы, собрав свои силы, предприняли наступление на правый фланг нашей дивизии и потеснили 1-ю бригаду.

— Что будем делать, товарищи? — обратился комдив ко мне и А. И. Сухову, исполнявшему обязанности начальника штаба. — Мне кажется, надо послать за подмогой к Лысенко.

— Без конницы нам не обойтись, — почти одновременно высказались мы с Суховым.

Афанасий Иванович добавил:

— Я сам, пожалуй, съезжу в сводный корпус.

— Возьми с собой с десяток кавалеристов, — посоветовал Харченко.

— Хорошо, Николай Васильевич, — отозвался Сухов.

— А тебе, Евстафий Иванович, придется ехать в полки первой и второй бригад и сказать, что вот-вот подойдет помощь. Действуйте, друзья, — закончил комдив.

Весть о том, что к месту боя скоро подоспеют конники Лысенко, воодушевила красноармейцев.

Появление конного полка во главе с Семеновым и Суховым сразу изменило положение. Кавалерийские эскадроны ударили во фланг и тыл противника. Чувствуя поддержку, наши пехотинцы со штыками наперевес с криком «ура» бросились в контратаку.

Затем на врага кавалилась бригада, возглавляемая А. И. Тодорским, который сменил ранеинного в предыдущих боях И. А. Недзведского.

Я был на командном пункте рядом с Харченко и отчетливо видел всю картину боя. Пехотинцы кололи белогвардейцев штыками, сойдясь врукопашную; красные конники рубили врага саблями; артиллеристы вели прицельный огонь по неприятелю.

Особенно расторопно действовал наводчик тяжелого орудия Аникей Борисович Троянов. Высокий и длиннорукый, с косматой шапкой капитановых волос, бывший урядник беспрестанно палил по улагаевцам.

— Бей, бей, Аникей! — задорно выкрикивали артиллеристы. И Троянов бил до тех пор, пока не накалились стволы орудия.

Попытка белых остановить наше наступление на Царицын была сорвана. Выполняя приказ командующего 10-й армией, наши войска продолжали наступление и блестяще справились со своей задачей.

После тяжелых, утомительных боев полки сводного кавалерийского корпуса Бориса Макаевича Думенко расположились на отдых в казачьих хуторах на правом берегу реки Хопер. Выставили сторожевое охранение, дозоры, организовали разведку войск противника, занимавшего оборонительный рубеж почти сплошным фронтом, Богучар, Борисоглебск, Новохоперск, вплоть до Поворино.

Я и другие политработники получили указание из политотдела армий о том, чтобы наши бойцы не давали по-

вода местному населению для недовольства. Мы провели беседы в подразделениях и частях, предупредили личный состав о необходимости вести себя достойно, высоко держать честь защитников Советской власти, своевременно расплачиваться со станичниками за фураж и продовольствие.

И надо сказать, никаких недоразумений не было. Настороженность, с которой нас встретили казаки и казачки, сменилась потеплением. Они были крайне удивлены, что красные, в отличие от белых, ведут себя скромно, по-дружески, не чинят никаких беспорядков.

За двое суток красноармейцы привели себя и оружие в порядок, подковали лошадей и на рассвете 8 ноября двинулись навстречу частям 2-го и 3-го Донских корпусов белых, входивших в состав Добровольческой армии. В авангарде по степи, покрытой белым инеем, шла 3-я бригада, справа от нее — бригада Дмитрия Жлобы. Бригада Фомы Текучева находилась в резерве командира корпуса.

Вскоре разведчики донесли, что противник разрушил мост у правого берега реки Хопер и сосредоточил там значительные силы. Спустя некоторое время белые открыли огонь. 1-й Донской полк, шедший в первом эшелоне, вынужден был спешиться, отвести коней в укрытие и принять бой в пешем строю.

С наступлением темноты наша конница отошла на прежние рубежи — в район станицы Урюпинской. Ночью разыгралась метель. Пользуясь ненастной погодой, Дмитрий Жлоба решил повести свою шахтерскую бригаду вброд через Хопер. За ним двинулись конники М. Ф. Лысенко. Переправившись на другой берег реки, наши кавалеристы успешно атаковали неприятеля, находившегося в районе станицы Богаевской, и прорвали его оборону.

Все боевые действия частей координировал командир корпуса Думенко, прославившийся во многих сражениях с врагами революции и Советской власти.

С Борисом Макеевичем я был уже давно знаком. Вместе с ним лежал в саратовском госпитале, когда меня ранило в бою за село Лесной Карамыш шестой раз.

Из огненного пекла меня вынесли ординарец Иван Фурман и Рузя Иосифовна Черняк — жена А. И. Тодорского. Нужна была срочная операция. И меня отправили в госпиталь. Профессор Спасокукуцкий извлек из ран две пули и, показав их мне, сказал:

— Крепехонек вы, комиссар! От таких «подарков»

Деникина многие подолгу залеживаются на больничных койках. А вам, кажется, повезло...

После операции я оказался в одной палате с командующим 10-й армией А. И. Егоровым и комкором Б. М. Думенко.

— Где стукнуло вас, комиссар? — спросил меня Александр Ильич Егоров.

— Под Лесным Карамышем.

— Не пропустили белоказачков? — с какой-то особой любознательностью допытывался командарм.

— Не только не пропустили, но и прогнали далеко за Лесной Карамыш, — ответил я.

— Молодцы, красные бойцы! — похвалил Егоров.

Думенко лежал рядом. У него было худое, бледно-желтое лицо. Запавшие глаза горели лихорадочным блеском. Ему не разрешили говорить после тяжелой операции — только что удалили три ребра и одно легкое. Командарм относился к Борису Макеевичу с трогательной заботой.

— Человек познается по его поведению в решительные минуты, — говорил Александр Ильич, — а я на деле, в битве испытал величайшее мужество Бориса Макеевича. Это храбрый рыцарь Красной Армии. Говорят, что ленинец должен иметь сердце из стали. Такое сердце бьется в груди Думенко.

Однажды тихим летним вечером к госпиталю подошла легковая машина, и в палату вопел мой ординарец.

— Просили доставить вас в Реввоенсовет армии, — сказал он.

Я недоумевал: зачем вызывают? Оказывается, меня наградили орденом Красного Знамени, шапкой и часами. Когда я возвратился в госпиталь, командарм и Думенко тепло поздравили меня.

— Вы первый орденосец из политработников нашей армии, — заметил Егоров.

Думенко утвердительно кивнул.

Рапы закивали. Из политотдела армии нам прислали фруктов и две бутылки виноградного вина. За товарищеской трапезой Борис Макеевич сказал:

— А помнишь, Поздняков, нашу стычку на совещании начальствующего состава в станице Качалинской?

Конечно, я не забыл неприятный инцидент. Это было в первой половине мая 1919 года. Тогда Думенко не разрешил мне идти в атаку вместе с М. Ф. Лысенко.

— Уж больно тяжелой была тогда обстановка на левом берегу реки Сал, — напомнил Борис Макеевич. Улыбнувшись, он добавил: — Ну ничего, мы еще повоюем!

И вот теперь, когда конный корпус Б. М. Думенко гнал белогвардейцев от станицы Богаевской, я мысленно повторял слова комкора: «Мы еще повоюем!» А воевал Борис Макеевич отчаянно, зло. Вот один из примеров его многочисленных подвигов.

В начале декабря 1919 года в районе хутора Верхнезимовский, на Дону, противник окружил бригаду Жлобы. На выручку ей бросились эскадроны Лысенко. Внезапным ударом с тыла они принудили противника к отступлению. Казалось, победа была обеспечена. Но появилась резервная группа белых. Воспользовавшись метелью, она неожиданно ударила по нашему левому флангу. Маневрировать по глубокому снегу было тяжело, к тому же вторая конная группа белогвардейцев навалилась на правый фланг наших кавалеристов.

В этот тревожный час у хутора Верхнезимовский как из-под земли вырос Борис Макеевич Думенко во главе сотни всадников. Видимо, он подумал, что отступают его бойцы.

— Стой! Куда скачете? — властно спросил комкор.

Комиссар 1-го Донского кавполка Павел Демещенко доложил о сложившейся обстановке. Не обращая внимания на очевидную опасность, Думенко со своими конниками бросился в гущу белых казаков.

— Да ведь это ж сам Думенко! — выкрикнул белогвардейский полковник. — Берите его живым!

Казачьи, будто остолбенев, опустили свои клинки. Борис Макеевич, воспользовавшись этой заминкой, дал шпоры разгоряченному коню, подскочил к полковнику и выстрелом из карабеллума свалил его с коня. Это был командир конной бригады белых барон Клейст.

Лишившись своего предводителя, деникинцы растерялись. А Думенко и его сотня тем временем рубили врага налево и направо. Подскочившая на помощь резервная бригада Текучева помогла сломить сопротивление белогвардейцев и обратила их в паническое бегство.

Несколько опережая события, хочу сказать, что конный корпус под командованием Б. М. Думенко с жестокими боями прошел всю Донскую область и на рассвете 7 января 1920 года нанес сокрушительный удар по Новочеркас-

ску. Ворвавшись в город, это логово контрреволюции на Дону, он разгромил деникинские полчища и тем самым оказал неоценимую услугу Первой Конной и 8-й армиям, сражавшимся за Ростов.

Но вернемся, однако, к рассказу о 38-й дивизии, которая наряду с корпусом Думенко принимала активное участие в событиях, имевших место в декабре 1919 года.

Наша и 39-я дивизии вели бои с конным корпусом Топоркова. Коварный замысел белогвардейского генерала состоял в том, чтобы стремительно прорвать наш фронт на стыке 9-й и 10-й армий в районе станицы Качалинской, разбить войска 9-й армии, затем двинуться в тыл конницы Буденного и нанести ей удар.

К 20 декабря в составе наших соединений осталось всего лишь до четырех тысяч уставших бойцов и триста конников. Командование решило оставить станицу Качалинскую.

Учитывая тяжелое положение наших дивизий, командующий 10-й армией приказал командованию 37-й дивизии (командир П. Е. Дыбенко, комиссар Ф. И. Зеленцов) нанести по корпусу Топоркова внезапный удар.

Комдив решил выделить в рейд бригаду Петра Васильевича Курышко — любимца кавалеристов, отважного донского казака, вахмистра старой армии. Несмотря на то что он имел шестнадцать ран, боевого строя не покидал и на уговоры своего комиссара Виноградова отлежаться в госпитале неизменно отвечал:

— Что я буду там делать? В седле, на свежем воздухе раны скорее затянутся.

Конники находились левее нас, в районе Дубовки, над самой Волгой. Снежной морозной ночью они совершили семидесятикилометровый бросок, имея в строю четыреста двадцать сабель, восемь пулеметных тачанок и две конно-горные пушки.

Вместе с Курышко ехал и начдив Думенко. В дороге бригада сталкивалась с мелкими группами корпуса противника, нанося им ощутимые удары.

Находясь на командном пункте дивизии, Н. В. Харченко и я слышали ночью 22 декабря пушечный гром и пулеметную трескотню.

— Кажется, на правом фланге снова насаждает противник, — тревожно произнес комдив. — Надо организовать контратаку.

Но вскоре мы выяснили, что на помощь к нам подошла бригада Курьшко. Она-то с тыла и атаковала белогвардейцев, внося в их ряды замешательство. Воодушевленные столь своевременной подмогой, наши полки поднялись во весь рост и с криком «ура» смело пошли в контратаку. Штыковым ударом сломали противника и отбросили его назад.

Одержав победу, бойцы и командиры 38-й дивизии горячо благодарили конников Курьшко:

— Спасибо, друзья, выручили.

— Воюем против общего врага, — отвечали те. — Сегодня мы помогли вам, завтра вы поможете нам. Таков закон воинского товарищества.

Многие воины проявили стойкость и мужество в этом бою, но особенно отличились своей самоотверженностью политбойцы дивизии. Мне запомнились имена Захара Скрипченко, Дмитрия Казарцева, Дмитрия Андреева, Филиппа Петушкова, Ивана Шкоденко, Филиппа Бережнова, Петра Хорошевского, Дмитрия Попова, Алексея Мостового, Алексея Саковкина, Николая Петухова, Петра Семенова, Петра Ефимова, Семена Приходченко... Трудно перечислить всех, кто бился не щадя своих сил и самой жизни.

В ночь на 23 декабря бригада Курьшко и кавалерийский полк Лобачева стремительно атаковали колонну противника у околицы станицы Паншенской. Переправившись по мосту через реку Паншу, белогвардейцы намеревались двинуться в Качалинскую, где находился основной состав их корпуса. Но внезапная атака красных конников сорвала их план. Встреченные сабельным ударом и огнем пулеметных тачанок, белые повернули обратно. На мосту образовалась давка. Настил рухнул, увлекая в реку белогвардейцев.

Тем временем разведка донесла, что на подступах к станице Качалинской занимает оборону пластунская дивизия неприятеля.

Думенко принял решение нанести удар по белым в ночь на 24 декабря. Под покровом темноты бригада Курьшко двинулась в путь. Крепчал мороз, усиливалась снежная метель. На подступах к станице артиллеристы и пулеметчики открыли огонь.

— В атаку, за мной! — подал команду Петр Васильевич Курьшко.

3-й Донской кавалерийский полк первым ворвался в Качалинскую и в одном из куреней захватил офицера. Добившись от него пароля по гарнизону, наши конники совершили налет на штаб корпуса. Ошеломленные белогвардейцы, бросая коней и награбленное добро, кинулись к железнодорожной станции.

Перед рассветом три полка Курьшко заняли станицу, захватив при этом часть артиллерии, обозы противника и много пленных. Пластунская дивизия, стоявшая в обороне, отошла, полагая, что ей грозит окружение.

Курьшко не стал преследовать врага: люди и кони крайне устали. Спустя некоторое время кавалерийская группа противника попыталась отбить станицу. Но это ей не удалось. Потрепанные остатки корпуса генерала Топоркова, лишившись артиллерии, пулеметов на тачанках, лошадей, обозов, потеряв до трех тысяч человек, отступили.

Неприятель превратил Царицын в крепость, вырыв окопы в рост человека и обнес их несколькими рядами проволочных заграждений. Три его пехотные и три кавалерийские дивизии под верховным командованием Врангеля занимали оборону на линии станция Котлубань, Светлый Яр, Райгород и царицынский укрепленный район. Они имели в своем составе 17 800 штыков, 12 200 сабель и 214 орудий.

Части 10-й армии стояли на рубеже Усть-Медведицкая, Качалино, Дубовка, а 11-я армия сосредоточилась в Букатине, Пьяном и других хуторах, что на левой стороне Волги. Оба наших объединения насчитывали в своем составе 31 400 штыков, 5430 сабель и 100 орудий.

Занимая правый, высокий и обрывистый, берег реки, белые имели тактическое преимущество: круговой обзор, хорошие дороги, отсутствие болот, затрудняющих маневр войсками. Наиболее укрепленными были северный и западный участки Царицына.

С востока противник менее всего ожидал нападения и потому оборонительные сооружения здесь были слабее других.

Помимо разведки, сведения о неприятеле доставляли нашему командованию царицынские рабочие, пробиравшиеся к нам из города с риском для жизни. В соответствии с приказом командующего 10-й армией Павлова все полки были приведены в боевую готовность задолго до

начала наступления, которое планировалось на утро 30 декабря.

Бойцы и командиры ожидали сигнала к бою. Они знали, что армия своим правым флангом наносит главный удар в направлении станицы Нижнечирской, а левым нападает на врага в районе станицы Качалинской, затем переходит в общее наступление. 11-й армии было приказано поддерживать наши части, занять станцию Типгута, перехватить железную дорогу Царицын — Тихорецкая и тем самым отрезать путь отступления противнику.

В назначенное время правофланговые полки 10-й армии поднялись в атаку и, тесня противника, заняли Калачевско-Куртинский, Калмыково, Майоровский и Набатовский хутора. К вечеру 2 января 38-я дивизия с боями вышла к хуторам Грачи и Грачевский, затем во взаимодействии с 20-й дивизией двинулась в направлении Кривая Музга, Воропаново, хутор Вертячий, станция Двойная.

Наш 3-й кавалерийский полк, тесня противника справа, оказывал большую помощь 37-й дивизии Дыбенко, которая наступала вдоль западного берега Волги в тесном контакте с 28-й дивизией Азина.

Суровый, настороженный Царицын был рядом. 50-я Таманская дивизия Е. И. Ковтюха, входившая в состав 11-й армии, была на восточном берегу Волги и ожидала прочного ледостава. Крепчайшие морозы 1 и 2 января 1920 года сковали реку, и 450-й полк таманцев в одиннадцать часов ночи выступил по льду на Царицын.

Достигнув берега, бойцы ворвались в неприятельские окопы, выбили белогвардейцев и устремились в город. Завязался ожесточенный бой.

Чувствуя, что им не сдержать натиска красных, враги взорвали городскую и железнодорожную водоканалы, электрическую станцию и мосты.

К часу ночи город был очищен от противника. Утром с северной стороны в Царицын вошла 37-я дивизия. Преследуя противника, таманцы шли за ним по пятам, захватывая трофеи и пленных.

Заняв железную дорогу Царицын — Тихорецкая, части 38-й дивизии во взаимодействии с кавалерийской бригадой Курьшико взяли в Сарепте 18 тысяч винтовок, 2169 пулеметов, 1022 орудия, 27 бронепоездов, 399 паровозов и много другого имущества, а также пленили 61 тысячу белогвардейцев.

Бойцы 10-й и 11-й армий, воодушевленные царицынской победой, неустанно гнали врага, добивали его полки, освобождали хутора, станицы и города. Чудеса героизма проявляли конники бригады Курьшико, нанося противнику внезапные, ошеломляющие удары. Стремительным налетом они заняли Котлубань, Карповку, Абганерово, разбив при этом Ставропольскую кавалергардскую дивизию. Ее командир, полковник, был взят в плен при следующих курьезных обстоятельствах.

Двадцатитрехлетняя Мария Зайцева, сестра милосердия 1-го Донского кавалерийского полка, в разгар боя за Абганерово зарубила трех белогвардейцев и стала преследовать четвертого. Это был командир белой дивизии, под которым убило коня.

— Стой! — крикнула девушка. — Зарублю!

Перетрусивший полковник сорвал свои погоны и остановился. Мария привела его в штаб полка. Каково же было возмущение матерого белогвардейца, когда он узнал, что конец его разбойничьей карьере положила «девчонка»!

Наши конники вдоволь посмеялись над незадачливым полковником и от души поздравили храбрую сестру милосердия. Командир полка наградил ее именными часами.

Овладев Красным Верденом — так образно называли мы тогда Царицын, — войска 10-й армии в составе 20, 32, 38, 39 и 50-й дивизий 3 января развернули наступление по всему фронту. Через два дня в наших руках уже были Громославка, Карповка, Нижнечирская. Продвигаясь в направлении к Нижнему Дону, наши части вели непрерывные бои с противником.

На рассвете 15 февраля 1920 года снова загрохотали пушки Гетмана, разбудившие степь и людей станицы Великокняжеской. Схватка началась на ровной долине у Государственного моста через реку Маныч. Стремясь выбить нас из станицы, белогвардейцы бросали в атаку одну конную лаву за другой. Однако наши полки под прикрытием заградительного огня артиллерии и пулеметов два дня удерживали позиции, а когда подошла подмога, контратаковали врага.

Кавалерийский полк Лобачева нанес удар по флангу белых. Деникинцы дрогнули и начали отступать. В ожесточенной перестрелке тяжело ранило в голову командира

дивизии Н. В. Харченко. Когда я подъехал к нему, он был в бессознательном состоянии. Мы отправили комдива в ростовский госпиталь.

Эта горькая весть сразу же облетела все полки. Бойцы и командиры поклялись еще мужественнее сражаться с врагом, жестоко отомстить ему за своего любимого начальника. И они сдержали свое слово: преодолевая отчаянное сопротивление белогвардейцев, 38-я дивизия во взаимодействии с частями соединения В. М. Азина успешно продвигалась вперед в юго-западном направлении.

На дальних подступах к Торговой сделали привал. Разведка донесла: в районе этой станции противник сосредоточил значительные силы и решил дать генеральное сражение.

Мы приняли все меры к тому, чтобы белые не застали нас врасплох: сообщили красноармейцам о предстоящем бое, выбрали удобные позиции для артиллерии, выставили секреты и сторожевое охранение.

Утром 20 февраля неприятель первым начал артиллерийскую подготовку. Затем из-за небольшого кургана пошла в атаку вражеская конница. Это не было для нас неожиданным. По колоннам белоказаков прямой наводкой ударили пушки Гетмана, затрещали пулеметные очереди, ружейные залпы.

Страшный по силе огонь вышибал белых из седел. Бригада Курышко, налетевшая словно вихрь, смяла фланг противника, врубилась в его эскадроны и принудила к бегству.

В этом памятном бою мы разбили два полка врангелевцев.

Но радость нашей победы была омрачена известием о гибели Владимира Михайловича Азина — командира 28-й дивизии. Его имя знал каждый боец в нашей армии. И вот не стало знаменитого комдива. Он погиб во время боевой операции в районе зимовника Пишванов.

— Белые поплатятся за это, — сурово говорили бойцы.

И поплатились. Победу за победой одерживали наши войска. Разбив корпус генерала Секретова, дивизии 10-й армии к 22 февраля взяли хутора Теряев, Белая Глина и Успенко. Затем командующий Кавказским фронтом приказал 8, 9, 11 и 10-й армиям прорвать оборону противника на рубеже Тихорецкая, Дон, Мангыч.

Развернулись ожесточенные бои, в результате которых

Донская армия белых была разгромлена. Остатки ее отошли за Северный Донец.

Развивая успех, 10-я армия силами 37, 39 и 50-й дивизий отрезала путь отступления Кубанской армии на Армавир и нанесла ей большие потери. Форсировав реку Мангыч, части 10-й армии помогли кавалерийской дивизии Гая и 28-й дивизии разгромить противника и выйти во фланг Донской армии.

К исходу дня 28 февраля ударная группа 10-й армии во взаимодействии с Первой Конной освободили Средний Егорлык и Егорлыкскую, а в районе Белая Глина разбили 1-й Кубанский конный корпус, взяв в плен 4500 белогвардейцев.

За эти блестящие операции командующий группой войск 10-й армии Михаил Дмитриевич Великанов (начальник 20-й дивизии) был награжден орденом Красного Знамени.

Наступление Красной Армии на всех направлениях Кавказского фронта активно поддерживали партизаны, действовавшие в тылу Деникина.

17 марта советские войска освободили Армавир, а три дня спустя завершили разгром контрреволюции на Юге России.

В нашей борьбе за восстановление Советской власти участвовали многие интернационалисты. Они были в 4-м Интернациональном, Сербском, 1-м Югославском коммунистическом, Южнокитайском полках, во 2-м Интернациональном полку 16-й дивизии, 2-м Интернациональном полку 1-й Украинской бригады, Мозовецком полку красных уланов, 2-м Люблинском и Варшавском революционном полках, в батальоне иностранных коммунистов и других частях.

И теперь, когда советские люди вступили во второе полувековье свободной жизни, мы с благодарностью вспоминаем тех, кто оказал нам помощь в борьбе с внутренней контрреволюцией и международными империалистическими силами.